

УДК 82.091

В. Я. Звinyaцковский

ORCID: 0000 0002 5242 2614

В. В. Линник

ORCID: 0000 0002 4436 4506

ПУШКИН И ЖОРЖ САНД

*В статье раскрывается проблема неприятия А. Пушкиным свободного отношения к браку – отношения, культивируемого в его время поклонницами и поклонниками идей и произведений Жермены де Сталь и Жорж Санд. Пушкинский опыт внедрения в России жанра *histoire d'amour sur fond champêtre*, ставшего визитной карточкой Жорж Санд начиная с её самых первых романов, авторы статьи прослеживают на примере сравнения неоконченного романа «Дубровский» с её романом «Валентина». Сюжетные линии, культурный фон – всё то, что объединяет эти романы, должно было послужить Пушкину некой площадкой для полемики. По сути спор начинается там, где заканчивается, а точнее – не заканчивается «Дубровский». Однако же контекст биографии и творчества Пушкина даёт возможность реконструировать аргументы русского оппонента Жорж Санд – аргументы как субъективного, так и объективного характера.*

Ключевые слова: реализм, романтизм, жорж-сандизм, аксиологическое изучение литературы, европейские ценности, имажемы и имаготемы.

DOI 10.34079/2226-3055-2021-14-25-34-46

Постановка проблемы в общем виде и связь с важными научными и практическими задачами. Аксиология и аксиография литературы – новое перспективное направление литературоведения, на котором наука и практика сходятся самым прямым и решительным образом (см.: Звinyaцковский, 2012). Систематически рассмотреть ценностный аспект полемики Пушкина с Жорж Санд в его неоконченном романе «Дубровский» является **задачей** предлагаемой статьи; **цель** же её – этически связать подход Пушкина к институту брака его времени с современной традиционалистской культурой, ценностно по-прежнему приемлющей расширительную интерпретацию Достоевского, считавшего, что пушкинские героини («не французские какие-нибудь!») своим отношением к «святости брака» не более и не менее как очертили контур русской системы ценностей, в корне противоположной европейской. Этим и обусловлена **актуальность данного исследования**.

Анализ исследований по теме статьи. Восприятие и изучение творчества Жорж Санд в России – тема отнюдь не новая (см.: Кафанова и Соколова, 2005). Вопрос о творческом диалоге «Дубровского» с произведениями Жорж Санд также поставлен не сегодня (см.: Томашевский, 1960). Развивая эту тему, пушкинисты (см.: Кафанова, 2006) рассматривают идейную полемику двух писателей в аспекте жанра так называемой «усадебной повести» – *histoire d'amour sur fond champêtre*.

Однако проблема происхождения жорж-сандизма в русской литературе была системно изучена в Украине век тому назад. Ещё в 1918 г. в Харькове была защищена магистерская диссертация (более тысячи страниц убористой машинописи!) под названием: «Эпизод из истории русского романтизма: русские писательницы 1830 – 1860-х годов». Её автор – будущий академик А. И. Белецкий – продолжал работать над этой темой и позднее. 25 января 1935 г. он писал другу юности

В. М. Жирмунскому (тоже будущему академику) в Ленинград (письмо сохранилось в личном фонде Жирмунского в составе Санкт-Петербургского отделения Архива РАН, ф. 1001): «Материала по разным темам у меня накопилось за годы моего разобщения с научным миром немало; немало осталось и от старого – может быть, с него следовало бы и начинать? – в таком случае в Группе западных влияний я мог бы сделать доклад «К истории русского жорж-сандизма» (см.: Звенияцкий, 2016).

Ответные письма Жирмунского пропали вместе со всем архивом Белецкого во время Второй мировой войны в Харькове, как пропали рукописи и материалы, связанные с работой над книгой о Жорж Санд. Но по контексту дальнейшей переписки совершенно ясно, что руководитель Группы западных влияний В. М. Жирмунский загорелся идеей книги об истории русского жорж-сандизма и попросил Белецкого написать проспект, что тот и сделал. Этот рукописный проспект также сохранился в архивном фонде Жирмунского. Судя по нему, интересующий нас вопрос о «жорж-сандизме до Жорж Санд» Белецкий ставил в следующем контексте и следующим образом:

«Жорж Санд и «женское движение» в русской литературе 30–60-х годов. «Женские темы» в русской литературе до Жорж Санд. М-м де Сталь и встреча её влияния с влиянием Жорж Санд. Русский «жорж-сандизм» в литературе 30-40-х годов. Творчество Е. А. Ган, М. С. Жуковой, Ростопчиной, К. Павловой, Е. Тур, А. Марченко, С. Энгельгардт и др. – в его отношении к Жорж Санд. Борьба за право женщины на литературную профессию» (см.: Звенияцкий, 2016).

Кстати, уже по этому списку имён русских писательниц с очевидностью можно судить об их жорж-сандизме. Так сюжет романа упомянутой в списке Евгении Тур «На рубеже» (1857) завязан на совместном чтении главными героями раннего романа Жорж Санд «Валентина» (1832): он сыграл в их жизни столь же роковую роль, какую в жизни Паоло и Франчески сыграл рыцарский роман про Ланселота, т. е. «объяснил» им, что они страстно любят друг друга.

Продолжая и развивая данный подход к изучению жорж-сандизма в России в методологических рамках школы Белецкого в украинском литературоведении, авторы предлагаемой статьи ищут происхождение данного явления, привлекая не только литературный, но и более широкий историко-культурный контекст.

Изложение основного материала. Село Михайловское Псковской губернии известно всем поколениям советских и постсоветских школьников как место преступления и наказания: здесь убивался русский романтизм и рождался русский реализм. Упрямой, по тем временам очень взрослой (25 лет) А. П. Керн хотелось повидать, и не просто повидать, опального поэта. Делать это было решительно, строжайше и высочайше запрещено. Никто этого и не делал. Исключение из общего правила составил лицейский друг Пушкина Пущин: рискуя служебным положением, он посетил поэта 11 января 1825 г. Что до Анны Керн, то с её репутацией ей было уже всё равно. Выданная замуж в неполные 17 лет за генерала Ермолая Керна, которому было 52 («Его невозможно любить – мне даже не дано утешения уважать его, – записала Анна в дневнике; – скажу прямо – я почти ненавижу его»), она с тех пор любовников меняла как перчатки, пока в 36 не сошлась с 16-летним кадетом, за которого через пять лет и вышла замуж после смерти первого мужа (развод в России был всё ещё запрещён). В июне 1825 г. под предлогом посещения своей тётки Осиповой (в Тригорское, в гости к своим соседям Осиповым-Вульфам, Пушкин любил ездить верхом) Анна Керн наведальась к знакомому стихотворцу отнюдь не монашеского поведения.

Романтик, учитель Пушкина В. А. Жуковский в своём стихотворении 1821 г. отчаивался, что «не с нами обитает гений чистой красоты».

– Нет, отчего же? – подумал Пушкин, познав прелести Анны Петровны.

И написал реалистическое стихотворение о пользе страстной любви для здоровья и творчества, на протяжении почти двух столетий входящее в хрестоматии. А в письме к А. Вульффу (кузену Керн и тоже её любовнику) от 7 мая 1826 г. Пушкин говорит о «нашей вавилонской блуднице Анне Петровне». Письмо в хрестоматии не вошло, один лишь философ-парадоксалист В. С. Соловьёв, уже в конце XIX в., использовал его в качестве комментария к знаменитому стихотворению (см.: Соловьёв, 1913).

Наконец 29 сентября 1835 г. Пушкин пишет супруге из того же (!) Михайловского: «Ты мне переслала записку от M-me Керн; дура вздумала переводить Занда и просит, чтоб я её сосводничал со Смирдиным [издателем]. <...> Если перевод её будет так же верен, как сама она верный список с M-me Sand, то успех её несомнителен» (Пушкин, 1978, с. 239).

Аврора Дюдеван (в девичестве Дюпен), с 1832 г. ставшая всеевропейской знаменитостью благодаря двум романам – «Индиана» и «Валентина», подписанным мужским псевдонимом Жорж Санд, – была на четыре года моложе Керн и на пять Пушкина. Свои похождения Анна начала раньше Авроры и значительно раньше, чем Жорж Санд стала знаменитостью в ранге современной звезды Голливуда, до чьих походов всему миру есть дело. И не «список», а **типаж** свободной женщины – вот кто такая Анна и вот кто такая Аврора. Воспользуемся подсказкой Белецкого: «Женские темы» в русской литературе до Жорж Санд. М-м де Сталь и встреча её влияния с влиянием Жорж Санд».

М-м де Сталь – личный враг Наполеона, высланная им из Франции, – и упрямо возвращающаяся – и вновь с упорством, достойным лучшего применения, высланная новым указом императора; м-м де Сталь – автор протофеминистических романов «Дельфина» и «Коринна»; м-м де Сталь, которая лично посетила Россию и за два месяца своего пребывания произвела фурор среди русских мужчин («Дурна как чёрт, умна как ангел» – К. Н. Батюшков) и особенно женщин – вот настоящая возмутительница патриархального спокойствия и разрушительница патриархального дворянского брака!

Итак, м-м де Сталь и встреча её влияния с влиянием Жорж Санд.

Несмотря на то, что пропали рукописи и материалы Белецкого, связанные с его работой над книгой о Жорж Санд, время и место одной из ранних встреч этих двух влияний в России можно указать наверняка.

Это опять-таки 1835 год, когда Пушкин живо и по разным поводам проявляет интерес к личности и творчеству Жорж Санд; набросок задуманной, но неоконченной повести. Он начинается фразой «Мы проводили вечер на даче у княгини Д.»:

«Разговор коснулся как-то до m-me de Staël. Барон Д. на дурном французском языке очень дурно рассказал известный анекдот: вопрос её Бонапарту, кого почитает он первую женщиною в свете, и забавный его ответ: «Ту, которая народила более детей» («Celle qui a fait le plus d'enfants»).

– Какая славная эпитафия! – заметил один из гостей.

– И поделом ей! – сказала одна дама. – Как можно так неловко напрашиваться на комплименты?

– А мне так кажется, – сказал Сорохтин, <...> – что ни m-me de Staël не думала о мадригале, ни Наполеон об эпитафии. Одна сделала вопрос из единого любопытства, очень понятного; а Наполеон буквально выразил настоящее своё мнение. Но вы не верите простодушию гениев».

Затем хозяйка предложила каждому из гостей честно ответить на вопрос м-м де Сталь Бонапарту, и один молодой человек ответил: «Клеопатра». Далее следует

навязчивый сюжет позднего Пушкина «жизнь за ночь с Клеопатрой» (его неоконченная повесть об этом – «Египетские ночи») и дамский комментарий:

«– Этот предмет должно бы доставить маркизе Жорж Занд, такой же бесстыднице, как и ваша Клеопатра. Она ваш египетский анекдот переделала бы на нынешние нравы». (Вариант: «Она бы в Клеопатре выразила бы себя» – Пушкин, 1940, с. 985).

Но проблема-то в том, что это сам же Пушкин упорно хотел «переделать на нынешние нравы» эротический «анекдот» про Клеопатру! И выходит, таким образом, что внутренне ему был не чужд эротический романтизм Жорж Санд. Да и не забудем: слова о «бесстыднице» должны были принадлежать персонажу, явно не близкому автору, – какой-то недалёкой даме, почему-то считающей Аврору Дюдеван маркизой, коей она отнюдь не была.

Вряд ли также Жорж Санд свойственно было то простодушие, каковое пытался приписать гениям некто Сорохтин, как не было его и у Жермены де Сталь, которая на самом деле своим знаменитым вопросом спровоцировала Наполеона и вывела на чистую воду его, как выразились бы ныне, дремучий сексизм. И вовсе не простодушно, а очень даже коварно обе протофеминистки своими подковырками разрушали – и практически для высшего общества разрушили – «институт брака».

Но возможно ли так просто разрушить столь давний и почтенный «институт»?

Не станем интриговать читателя именно в этом пункте и сразу скажем, что если бы «институт брака» в Европе к началу XIX в. не превратился – буквально – в «ярмарку невест», где отцы не без определённой выгоды продавали своих дочерей, а женихи стремились поправить свои дела за счёт полагающегося им приданого; где речь о чувствах вообще не шла (а на дворе-то стояла эпоха сентиментализма и затем романтизма!) – то никакого типажа свободной женщины и не было бы. Ведь истинное понимание свободы и насущная в ней потребность могут возникнуть лишь в условиях абсолютно невыносимой несвободы.

Так что дело конечно не в де Сталь и не в Жорж Санд, отстаивавших повсеместное введение права на развод. Кстати сказать, чрезвычайно либеральный французский бракоразводный закон 1792 г. (одно из заметных достижений тогдашней революции) был несколько ограничен Кодексом Наполеона. Развод во Франции был вновь запрещён в 1816 г. и восстановлен новой революцией 1830 г. Символическое совпадение: в 1831 г. журнал «Ревю де Пари» вслед за сообщением о новом законе о разводе, только что принятом Палатой депутатов, поместил сообщение о выходе в свет романа 27-летней Авроры Дюдеван («Розочка и Беляночка, или Актриса и монахиня», 1831), написанного в соавторстве с молодым писателем Жюлем Сандо – её вторым по счёту любовником.

Это был литературный дебют Жорж Санд. Впереди у неё было ещё много романов – и жизненных, и литературных.

Если вновь теперь вернуться к сопоставлению двух реальных женщин – Анны Керн и Авроры Дюдеван, то тут окажутся и ещё некоторые странные сближенья, обнаруживающие ещё более глубокую укоренённость типажа: уже не в XIX, а в XVIII в. Например, от бабушек-аристократок обе наши героини (равно как и тысячи им подобных девочек) унаследовали пересказанный опыт – нет, не чувств, а чувственности (Пушкин называл эти заветы аристократических бабушек и дедушек «наследьем старых обезьян»).

Тлетворное влияние бабушки на Луизу и Валентину; вторжение в аристократическую семью ханжи-плебейки (матери Валентины) – все эти мотивы второго самостоятельного романа Жорж Санд являются строго автобиографическими. Сама же она, со всеми борениями долга и страсти в душе невинной 19-летней девушки,

– в точности главная героиня этого второго (после «Индианы») романа, т. е. собственно Валентина.

Конечно, литература есть литература, а жизнь есть жизнь, и их не нужно смешивать, если о том нас специально не просят авторы. Стефан де Грансень, ставший первым любовником Авроры Дюдеван, прототипом Бенедикта в «Валентине» и отцом второго ребёнка Авроры, официально (!) преподавал возлюбленной анатомию (!) и отнюдь не был подобным Бенедикту романтическим мечтателем. Да, собственно, и сам барон Дюдеван не был таким уж циником и, тем более, мерзавцем, каким хотела представить его Аврора в образе графа де Лансака (тот скорее уж похож на генерала Керна). Но, давая жене разрешение, «при условии сохранения видимости брака», полгода проводить с Ж. Сандо в Париже, барон вполне мог произнести циническую фразу, затем вложенную в уста де Лансака, о «романтической прелести первой любви»:

– Вторая кончится быстрее, а третья...

– Вы оскорбляете меня, – перебила его Валентина.

Но чтоб такая романтическая Валентина случайно не оскорбила себя сама, осуществив на деле пророчество циника де Лансака, её следовало убить вместе с её первым и последним – т. е. романтическим – возлюбленным. Что и сделал безжалостно романтик-автор, скрывшийся под мужским псевдонимом Жорж Санд. И вот уже в конце 1832 г. в парижском журнале «Ревю де дё монд», который читала вся литературная Европа (и конечно Пушкин), постоянный обозреватель этого журнала Гюстав Планш высказывает осторожное предположение о том, что «некоторые места» двух романов дебютанта этого года Жоржа Санда «возможно» написала женщина. Вскоре этот, как говорят французы, «секрет Полишинеля» уже вполне открылся, а Г. Планш, влюблённый в Аврору Дюдеван, вызвал на дуэль (не на журнальных полосах, а на пистолетах) другого критика, посмеявшегося отозваться о ней дурно.

Пушкин о M-me Sand отзывался тоже нелестно. Но, как мы сейчас увидим, чтение её ранних романов (до более зрелых Пушкин не дожил), и особенно всё той же «Валентины», оставило ясный след в его позднем творчестве.

Откуда же эта строгость оценки? По контексту можно предположить, что Пушкин осуждает у Жорж Санд именно отсутствие реализма и цепляние за романтизм. В его время уже и в России свободные женщины вроде Керн легко решают «вечные вопросы», неразрешимые для таких героинь, как Валентина. Но более того: всем известно, что в жизни (но не в литературе!) их легко решает и сама м-м Дюдеван. В сентябре 1835 г. Пушкин несомненно уже знал (как минимум из парижских газет) о связи Авроры и с Альфредом де Мюссе, и с адвокатом Луи Мишелем, блестяще защищавшим лионских инсургентов и одновременно готовившим документы к бракоразводному процессу самой Авроры (выигранному им в 1836 г.). Так к чему же все эти борения «незаурядных натур», всё понимающих про «институт брака» и тем не менее «разрывающихся между долгом и страстью»?

Другое дело, что «незаурядных натур», «свободных женщин» среди современных Пушкину дворянок отнюдь не статистическое большинство. А что если описать обычную провинциальную девушку, ничего «про это» не знающую и не понимающую – и вдруг столкнувшуюся с «проблемой Валентины»?

Так возникает идея русского «усадебного» романа «а ля Валентина». Память поэта услужливо подсказывает единый пространственный мир Михайловского и Тригорского, со всеми его аллеями Керн и скамейками Онегина и Татьяны. Пушкин даже записывает на память дату начала романа – 21 октября 1832 г. В тот год книготорговцы-французы во множестве присутствуют на Невском и в его окрестностях, соревнуясь друг с другом в скорости приобретения новых парижских изданий модных и в особенности

скандальных авторов (а Жорж Санд уже в их числе). Французские книжники ещё в упор не видят только что открывшегося будущего серьёзного конкурента – торговца русскими журналами и книгами Смирдина («Она по-русски плохо знала, журналов наших не читала» – так всё ещё можно сказать о пушкинской Татьяне и не о ней одной). К тому же в начале октября наш поэт на неделю съездил в Москву и вряд ли миновал знаменитые французские книжные лавки на Кузнецком мосту, с переменным успехом конкурирующие с петербургскими по скорости доставки новинок. Так что 21 октября он вполне уже мог читать «Валентину».

Но главный аргумент в пользу чтения – сам текст неоконченного пушкинского романа.

...Всё началось с танца.

Графиня де Рембо, мать Валентины, демонстрируя «демократизм» (а бабушка-маркиза, пережившая эмиграцию, убеждает её, что перед лицом новой революции 1830 г. такие демонстрации необходимы), приводит семью на деревенский праздник в пределах своих владений. На праздник (без особой, впрочем, охоты) является и только что приехавший из Парижа некто Бенедикт, деревенский сирота, племянник разбогатевших фермеров-крестьян, которому они решили дать образование. Контрапункт праздника – народный танец бурре, а в нём своя изюминка: «Когда лютия перед началом бурре выделявала особенно звонкую трель, каждый кавалер, по обычаю, установленному ещё с незапамятных времён, должен был поцеловать свою даму».

Как это всегда бывает в романах, в результате целого ряда случайностей в тот самый момент дамой Бенедикта оказалась Валентина. В мановение ока юноша должен был разрешить в сущности неразрешимое противоречие между обычаем, установленным с незапамятных времён, и приличиями современного общества. Не поцелует же крестьянин юную графиню?! Бенедикт не спасовал...

– Я достаточно хорошо изучила вас, дочь моя, и знаю, что человек подобного рода не мужчина в ваших глазах...

Тут всё ложь. Во-первых, Валентина вовсе тут не виновата – целовали её, а не она. Во-вторых, мать её не только не «изучила», но в сущности даже мало ею интересовалась. И – в-третьих и в-главных: Валентина существо необычайное, прекрасно начитанное, образованное и душевно тонкое, и вовсе не факт, что для неё Бенедикт уже и на момент этого разговора (а в первый вечер их знакомства много чего успело произойти) – «не мужчина».

Теперь ставим на место Валентины Машеньку – героиню «Дубровского», во всём, кроме врождённой душевной тонкости, ей противоположную и главное – читавшую «не те» книжки. Это странно даже для её окружения. Ведь Владимир Дубровский, которому (тоже случайно – таков закон романного жанра) подвернулась возможность предстать перед Машей Троекуровой учителем-французом Дефоржем, рассчитывал на то, что уж «Юлию, или Новую Элоизу» Жан-Жака Руссо она точно читала и в импровизированном Дефорже (*de forge* – из кузницы, т. е. «выкованный») прямо на глазах изумлённой публики) должна увидеть нового Сен-Прё. На беду Машин отец был болван, книг не читал и не собирал, а случайный подбор томов его домашней библиотеки достался Маше от дедов-прадедов.

То, что Маша не читала Руссо, подтверждается следующей цитатой: «Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для неё род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиной». На раннем этапе работы над текстом Маша мотивация была даже жёстче: «учитель был для неё род слуги или мастерового,

а слуга или мастеровой **был для неё род холопа, а холоп** не казался мужчиною» (Пушкин 1940, с. 591).

Но и тут тоже вмешались разные случаи – и, конечно, танец! Это сегодня для нас вальс – академическая старина. А в 1830-е годы это такой же смелый простонародный танец, как бурре. У провинциальных русских барышень сердце в пятки уходило, когда кавалеры (тем более провинциальные русские) хватили их за талии и кружили над паркетом. Но «француз Дефорж» (т. е. Дубровский) проделывал это так изящно, что на балу у Троекурова все барышни становились к нему в очередь – а хозяйку бала это заставило кой о чём задуматься...

Ну и конечно личное мужество, и – не по чину – всегда при себе оружие...

Когда крестьянские парни, желая «проучить» Бенедикта, «тучей» на него налетели, «тот успел выхватить из кармана пистолеты и навёл на нападающих два дула».

Дубровский, в качестве шута-учителя, тоже (как мы помним с детства) был «испытан» медведем и применил пистолет...

В обоих романах мотив пистолета имел продолжение. Бенедикт, с помощью одного из ранее задействованных пистолетов, в день свадьбы Валентины попытался совершить самоубийство. Попытка оказалась неудачной и дала другой результат: узнав о ней, Валентина лишилась чувств, надолго заболела, и её первую брачную ночь с графом де Лансаком, уже венчанным мужем, пришлось надолго и, как потом оказалось, навсегда отложить. Но «тот же» пистолет, наставленный Дубровским на князя Вереяского, уже венчанного мужа, к подобному счастливому финалу (хотя бы промежуточному, как у Жорж Санд) отнюдь не привёл. «Мария избрала благую часть» – принадлежать нелюбимому мужу не только душой, но и телом.

Вот мы и подошли к самому главному.

Экспериментируя с сюжетом Жорж Санд и предлагая сыграть в эту игру не «особенной» романтической, а «заурядной» реалистической героине, Пушкин видит и сам удивлялся, как же быстро и охотно научилась Маша «европейским ценностям» Жорж Санд, как горячо и быстро их приняла и как, даже не читая Руссо, своей любовью к (якобы) «человеку низкого сословия» проголосовала за равенство и братство. Но – вот незадача – не за свободу, во всяком случае – не за полную и окончательную.

А ведь это была уже эпоха новых людей, имевших решимость самостоятельно формировать свой собственный кодекс чести. Откуда возникла такая потребность? Лаконичный ответ на этот вопрос находим в эпиграфе (якобы позаимствованном из частной переписки) к 4-й главе «Пиковой дамы»: «*Homme sans mœurs et sans religion!*» Коль скоро у современного человека отобрали религию, то, несомненно, от него трудно требовать и традиционной морали.

Как и Германн из «Пиковой дамы», Владимир Дубровский получил современное воспитание, начитался модных книжек и прекрасно разбирался в таких вещах, как социальная справедливость. И коль оказывается, что справедливости в этом мире нет (что для религиозно воспитанного человека не было б такой уж неожиданностью), он, вместо того чтобы найти утешение в вере в справедливость на том свете, становится на единственный ему теперь открытый путь, а именно преступный. Правда, Германн не собирался убивать старуху-графиню – он коварно проник в её дом, чтоб умолить посвятить его в секрет трёх карт. Иное дело Дубровский: он истинный разбойник.

Но тогда простой вопрос: а он-то с какой коварной целью проник в дом Троекурова? Мы же не должны не верить его собственным словам: «<...> в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение (как гений чистой красоты? – В.З., В.Л.), и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священен <...> Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде

увидеть издали ваше белое платье». И у Жорж Санд Бенедикт отказывается преступным образом остановить де Лансака на пути в спальню Валентины, дабы сим кровавым мщением её не потревожить... И мы конечно верим словам Дубровского. Однако эти искренние его слова отнюдь не отвечают на наш простой вопрос: для чего он тут? Но ответ всё же есть, их даже два.

Первый – философско-художественный: ответ не героя, а условного Автора. Этот ответ полностью укладывается в жанровую сущность романа с переодеванием (так называемой мениппеи). Одной из целей сотворения текста в этом жанре является «создание исключительной ситуации для провоцирования испытания философской идеи» (М. М. Бахтин). Философская идея, испытываемая в «Дубровском», это, так сказать, оперативно-практическая идея французской революции: установление справедливости «без религии и морали» и к тому же насильственным путём.

Второй ответ, который собственно и формирует сюжет, – ответ героя. Прямо он не дан, но логически следует из самого развития сюжета. Ведь прогулки вокруг садов Покровского совершались до того, как Дубровский познакомился с Дефоржем и «стал» Дефоржем. А на момент знакомства с Дефоржем являться в Покровском разбойнику Дубровскому не было никакой потребности. Но такая потребность была у юного мечтателя Владимира, и в этом плане художественный приём переодевания имеет столь же простое сюжетное объяснение, как в «Барышне-крестьянке»: тут и там банальное желание завязать знакомство. А то, что на балу оказался Спицын, проболтавшийся о своей роковой роли в судьбе семьи Владимира и тем спровоцировавший его на ненависть и насилие и раскрывший таким образом всю историю с переодеванием, – это уж неизбежная в романе «игра судьбы» (как неверно направленная и роковая для Бенедикта ревность в романе Жорж Санд).

Проблема Рока или Судьбы в жизни человека выявляет внутреннюю логику идейных исканий Пушкина, независимую от постановки схожих проблем у Жорж Санд. «Дубровского» в этом плане можно считать неким возвращением к «Метели». Однако там перед нами был счастливый вариант Рока, воплощённый в эпиграфе «*Суженого конём не объедешь*»; здесь – несчастливый (вряд ли Верейского можно назвать Машиным «суженым»).

Однако и счастливый, и несчастливый финалы парадоксальным образом имеют одну и ту же причину – убеждение героинь в святости брака. Вот только заключённый по воле Рока церковный брак героини «Метели» (что интересно, тоже Маши) с неизвестным ей мужчиной на деле оказался венчанием с «суженым». А вот Маша Троекурова, обвенчавшись с Верейским и даже ещё не вступив с ним в реальные супружеские отношения, уже никогда, по её представлениям, не сможет быть со своим псевдоспасителем Дубровским.

Вот так считала и Валентина, изо всех сил держалась она за факт свершившегося церковного брака, целых 15 месяцев (!) не уступая «домогательствам» Бенедикта. Однако же, если так можно выразиться, нашла в себе слабость и по истечении вышеуказанного срока всё же уступила... «Оправдать» же Машу мы можем лишь тем, что у неё вместо 15 месяцев Валентины была одна минута, когда Дубровский ей заявил: «Вы свободны» и потребовал от неё немедленного решения.

Но, быть может, именно в этом смысле пушкинский роман – неоконченный? Быть может Пушкин хотел, следуя путём Жорж Санд, дать и Маше неожиданную отсрочку?

Оставшийся в его бумагах план продолжения «Дубровского» не даёт оснований для такого предположения, да и на последней странице рукописи романа автор сообщает, что Дубровский скрылся за границей. По плану незавершённого финала

Машин муж должен был умереть, Дубровский вернуться, однако неизвестно, как приняла бы возвращенца Маша (уж не так ли, как приняла Онегина Татьяна?).

У Жорж Санд же, в её вполне завершённой «Валентине», и скрыться за границей, и умереть надлежало именно мужу героини. Более того, укрылся он в посольстве в Санкт-Петербурге, назначенный туда первым секретарём, и там погиб на дуэли! «Бывают странные сближенья»...

Но (быть может, воскликнет читатель), к чему боренья Валентины, когда лишь формально венчанный муж к тому же ещё и отошёл в лучший мир, навсегда оставив молодую вдову? Почему бы ей теперь, формально и неформально, не вступить в новый брак, на сей раз – с любимым?

Да в том-то и дело, что Валентина «пала», уступая «домогательствам» Бенедикта, ещё тогда, когда муж был жив, здоров и видимо даже ни о какой дуэли не помышлял! Психологический процесс её борений – самое интересное в романе Жорж Санд, а эротическая сцена её падения – самое смелое в нём.

Что ж наш поэт не решился повторить художественный подвиг Жорж Санд?

Он не «не решился», полвека спустя объяснял Достоевский. Правда, слова его сказаны про Татьяну Ларину, но их можно одно в одно переадресовать Марии Троекуровой: «Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: “Я вас люблю”, потому ли, что она, “как русская женщина” (а не южная или не французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием чести, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдёт за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она “другому отдана и будет век ему верна”» (Достоевский, с. 449).

Что, собственно, значит – «не французская какая-нибудь»? Насколько нам известно, достоевскоеды до сих пор этого не разъяснили, да и не искали разъяснить, по умолчанию убеждённые в том, что фраза сказана в общем смысле. Однако романы Жорж Санд в России 2-ой половины XIX в. были настолько популярны, что именно Достоевский, написавший однажды, что ей «не суждено забыться и исчезнуть среди европейского человечества», уж наверное был убеждён, что слушатель и читатель его знаменитой Пушкинской речи легко в неё подставит это имя.

В его собственном романе «Подросток» Версиров, в уме и наблюдательности которого автор как будто не сомневается, заявляет: «Если бы дело брака зависело от одних женщин – ни одного бы брака не уцелело» (Достоевский, с. 139). Отсюда ясно, сколь разрушительную силу автор «Подростка» приписывал женщинам в отношении самого института брака, равно как и многих прочих социальных институтов, и насколько боялся волю им дать... Для него и самоё чистота религиозных и моральных убеждений пушкинских героинь есть как бы гарантия национального своеобразия всех последующих женских образов русской литературы.

И не об одной литературе он печётся, говоря о любимом типе пушкинской женщины. Как не об одной литературе пёкса Пушкин, открывая этот «реалистический» тип на кончике своего пера и на краешке своей судьбы.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Как мы видели, спор Пушкина с Жорж Санд начинается там, где заканчивается, а точнее – не заканчивается «Дубровский». Ведь право на личное счастье несмотря на сословное положение, и наследие отцов, и все запреты и преграды; право женщины быть равной мужчине личностью и точно так же, самостоятельно, выбирать свой путь – все эти **европейские ценности** по сути принимает не только Жорж Санд, но и Пушкин. Именно благодаря внутренней приверженности к этим ценностям герои обоих романов, «Дубровский»

и «Валентина», упорно прокладывают путь к счастью через все сюжетные перипетии. И лишь одна цитадель, а именно святость церковного брака, не сдаётся на милость метафизической Европы.

Откуда такая непоследовательность у Пушкина? Что случилось с его безудержным стремлением к воле – в его зрелой прозе? А может то же самое, что случилось со стремлением к воле героя одной его ранней поэмы? Алеко («южная версия» биографического автора) *для себя лишь хочет воли* – для себя, а не для возлюбленной Земфиры!

И вот 1830 год, Болдинская осень, подготовка к браку... И неотступная мысль: а будет ли верной женой юная Наташа (ей едва исполнилось 18)? Не доведётся ли и её мужу приобщиться к полку обманутых супругов, который до сей поры он сам старательно пополнял с дружественной помощью так пылко им любимых неверных жён?..

Не потому ли первой жертвой Болдинской осени пал Онегин, который кинулся было со всех ног за своим счастьем, что *было так возможно, так близко*, ну это же всегда так бывало в свободной любви двух свободных европейских личностей, и французские книжки учили этому Татьяну – но та вдруг (по слову автора в дружеском письме) *учудила* и убеждённо заявила, что *любит* Онегина (*к чему лукавить?*), однако же *другому отдана и будет век ему верна?*

Отныне **русские** романы именно такому подходу к данному вопросу будут, «если что», учить Наталью Николаевну, равно как и прочих *мужниных жён*.

– Но разве есть такие романы? (в смысле – русские) – искренне удивляется графиня («Пиковая дама»).

Таким образом является опасение, что и в дальнейшем светские женщины **русские** романы читать не будут. Да и Наталья Николаевна не то не дочитает мужнин роман до «благополучного» финала *я другому отдана*, не то не сделает «правильных» выводов...

А вот для консерваторов следующих поколений во главе с Достоевским образы пушкинских героинь, несокрушимых в своей вере в святость брака, станут залогом не более и не менее как «своего пути» России: ведь именно они стали камнем преткновения для сеятелей идей ничем не ограниченной индивидуальной свободы – этой высшей из европейских ценностей. На какое-то время все эти Тани да Маши, и даже (!) Наташи («Граф Нулин»), дали патриархально-консервативному русскому обществу не только временное умиление и утешение, но и «право» не замечать, как упорно, причём именно в пушкинских произведениях и посредством их, новый тип героя и героини всеми правдами и неправдами пробивал себе путь к счастью.

Будучи глубоко убеждён, что *был рождён для счастья, для надежд и вдохновений мирных*, он, этот новый герой-индивидуалист, парадоксальным образом всю свою немалую энергию перенаправляет с борьбы за традиционные для России феодально-патриархальные ценности («веру, царя, отечество» и т. п.) на не менее яростную, ожесточённую борьбу за... право всего себя посвятить тихому индивидуальному *счастью, для надежд и вдохновений мирных*, о каковом мечтал герой-любовник «Валентины»... за пять минут до гибели.

Французский романтик безжалостен к своим героям, ибо в слишком «тихом» или в слишком «чувственном» счастье, к которому они стремятся (а они, на закате романтизма, обычно стремятся соединить оба этих счастья), он не видит свой идеал – «классический» идеал романтизма, «гений чистой красоты».

Русский же реалист пытается осмыслить иную реальность: он видит или предвидит, как в этой борьбе – как литературной (судьба героя), так и житейской

(судьба Пушкина) – индивидуалист в России всегда в конце концов проигрывает; общество никогда не захочет дать ему покой и волю; достанет если не прямым и безжалостным давлением, так посредством своих «особенных» ценностей и предрассудков. *Хоть счастье было так возможно – но судьба уж решена.*

Вот потому мы и идём в Европу...

Библиографический список

- Достоевский, Ф. М., 1957. *Собрание сочинений : В 10 т.* Москва : Изд-во ГИХЛ, Т. 8. 660 с.
- Достоевский, Ф. М., 1958. *Собрание сочинений : В 10 т.* Москва : Изд-во ГИХЛ, Т. 10. 624 с.
- Звенияцковский, В. Я., 2012. *Аксиография Чехова система ценностей «чеховского интеллигента» в жизни и творчестве писателя, в современном мире и в школьном изучении.* Винница : Нова книга.
- Звенияцковский, В. Я., 2016. К познанию «тайной логики вещей» (проблема «литература и действительность» в традициях школы Белецкого). *Collegium*, 25, с. 33–55.
- Кафанова, О. Б. и Соколова М. В., 2005. *Жорж Санд в России : Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1832–1900).* Москва : ИМЛИ РАН.
- Кафанова, О. Б., 2006. Пушкин и Жорж Санд : творческий дискурс (факты и гипотезы). *Вестник Томского государственного университета*, 291, с. 81–88.
- Пушкин, А. С., 1940. *Полное собрание сочинений.* Ленинград : Издательство АН СССР, Т. 8. Ч. 2. 628 с.
- Пушкин, А. С., 1978. *Собрание сочинений : В 10 т.* Москва : Изд-во Художественная литература. Т. 10. 471 с.
- Соловьёв, В. С., 1913. Судьба Пушкина. *Вестник Европы*, 9, с. 31–60.
- Томашевский, Б. В., 1960. «Дубровский» и социальный роман Жорж Санд. В : Б. В. Томашевский. *Пушкин и Франция.* Ленинград : Советский писатель, с. 402–422.

References

- Dostoyevskiy F. M., 1958. *Sobraniye sochineniy v 10 tomah [The complete works in 10 volumes]*. Leningrad : GИHL, vol. 8, 660.
- Dostoyevskiy F. M., 1958. *Sobraniye sochineniy v 10 tomah [The complete works in 10 volumes]*. Leningrad : GИHL, vol. 10, 624.
- Kafanova, O. B. and Sokolova, M. V., 2005. *Zhorzh Sand v Rossii : bibliografiya russkikh perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke (1832–1900) [Georges Sand in Russia : a bibliography of Russian translations and critical literature in Russian (1832–1900)]*. Moscow : IMLI RAN. (in Russian).
- Kafanova, O. B., 2006. Pushkin i Zhorzh Sand : tvorcheskiy diskurs (fakty i gipotezy) [Pushkin and George Sande : creative discourse (facts and hypotheses)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 291, pp. 81–88. (in Russian).
- Pushkin A. S., 1940. *Complete Works*. V. 8. part 2. Leningrad. (in Russian), 628.
- Pushkin A. S., 1978. *Complete Works*. V. 10. Leningrad. (in Russian), 471.
- Soloviyov V. S., 1913. *Sudba Pushkina [The fate of Pushkin]*. SPb., 1913. vol. 9., pp. 31–60 (in Russian).
- Tomashevskiy, B. V., 1960. «Dubrovskiy» i sotsialnyy roman Zhorzh Sand [“Dubrovsky” and the social novel by Georges Sand]. In : B. V. Tomashevskiy. *Pushkin and France*. Leningrad : Sovetskiy pisatel, pp. 404–422. (in Russian).

Zvinyatskovskiy, V. Ya., 2012. *Aksiografiya Chekhova sistema tsennostey «chekhovskogo intelligenta» v zhizni i tvorchestve pisatelya, v sovremennom mire i v shkolnom izuchenii [Chekhov's axiography : the system of values of the "Chekhovian intellectual" in the life and work of the writer, in the modern world and in school studies]*. Vinnitsa : Nova khniga. (in Russian).

Zvinyatskovskiy, V. Ya., 2016. К познаниyu «тайной логики вещей» (problema «literatura i deystvitelnost» v traditsiyakh shkoly Beletskogo) [To the knowledge of the «secret logic of things» (the problem of "literature and reality" in the traditions of the Beletsky school)]. *Collegium*, 25, pp. 33–55. (in Russian).

Стаття надійшла до редакції 18.10.2021.

V. Zvinyatskovsky

V. Linnik

PUSHKIN AND GEORGE SAND

The proposed article reveals the problem of objective perception of Pushkin's skeptical attitude to the personality of George Sand and her novels.

In some mystical way this skeptical attitude was connected with poet's attitude to the personality of Anna Kern and her work as George Sand's translator and in the same time (as Pushkin guessed) with her being George Sand's "copy".

But Anna Kern was not "a copy" of George Sand. She was 5 years older, and her multitude love stories (including her love story with Pushkin himself) preceded the world-known George Sand's love stories – in her life and in her novels as well.

*Simultaneously Pushkin created a novel in George Sand's genre – *histoire d'amour sur fond champêtre* (this genre was in fact created by George Sand): "Dubrovskiy, le roman infini".*

This unfinished novel gives us a key to the nature of Pushkin's skeptical attitude – neither to the personality of George Sand nor to her novels – but to some values propagated by French writer, especially the free interpretation of married women's duties. George Sand's popularity all over Europe (including Russia) promoted the dissimulation of those values.

The comparison of Pushkin's "Dubrovskiy" with George Sand's "Valentine" (1832) brings some clarification of the matter.

Plot and social and historic background of "Dubrovskiy" and "Valentine" are almost the same, and it is no coincidence.

Pushkin chooses for "Dubrovskiy" the circumstances which give him an opportunity for polemic with George Sand's "Valentine". But the polemic begins where "Dubrovskiy" is left finished (rather unfinished).

A mystery of the unfinished Pushkin's novel has never been resolved ever since. Well-known Pushkin's plan of it's final part is nothing more than a stingy outline.

Nevertheless the context of other Pushkin's works and his biography gives us some opportunities for a reconstruction of his arguments (subjective and objective as well) in his polemic with George Sand.

A comparison of Pushkin's "Dubrovskiy" with Pushkin's "Snowstorm" and a final part of "Evgeniy Onegin" clearly shows author's intentions in the unfinished novel. Dostoyevskiy (in his speech devoted to the opening of Pushkin's monument in Moscow) had announced the matter in such words: "A Russian woman is not a French one". Given George Sand's popularity in Russia in the second part of 19 century it can be argued that Dostoyevskiy had in mind Pushkin's discussion on the so called "woman's question" with the author of "Valentine".

Key words: *Realism, Romanticism, George-Sandism, axiological literature studies, European values, imagens and imagothemes.*

В. Я. Звиняцьковський
В. В. Лінник

ПУШКІН І ЖОРЖ САНД

У статті розкривається проблема скептичного ставлення О. Пушкіна до особистості та романів Жорж Санд.

У певному сенсі це ставлення було пов'язане зі ставленням Пушкіна до Анни Керн: як до неї особисто, так і до неї як перекладачки й водночас (як гадав поет) «копії» Жорж Санд.

Проте Анна Керн ніколи не була «копією» Жорж Санд. Анна не тільки була на п'ять років старшою за Аврору Дюдеван, але й Аніни численні «романи» (у тому числі із самим Пушкіним) на десятиліття передували як скандальним стосункам Аврори з її коханцями, так і її літературним творам, підписаним чоловічим псевдонімом Жорж Санд.

Ключ до проблеми, що нас зацікавила, дає роман Пушкіна «у жанрі Жорж Санд»: *histoire d'amour sur fond champêtre – le genre inventé de George Sand: "Dubrovskiy, le roman infini"*.

У цьому незакінченому романі ясно відчувається скептичне ставлення О. Пушкіна не до особистості Жорж Санд і не до її літературних творів як таких, а до пропагованого у них вільного ставлення до шлюбу, до обов'язків жінки – ставлення, культивованого прихильницями та прихильниками ідей і творів Жорж Санд, вельми популярної в Європі, аж до Росії включно.

Автори статті доводять це на прикладі порівняння незакінченого роману Пушкіна «Дубровський» з романом Жорж Санд «Валентина» (1832).

Сюжетні лінії, суспільно-історичне тло – все те, що об'єднує ці романи, мало послужити Пушкіну певним майданчиком для полеміки.

Проте дискусія російського письменника із французьким розпочинається там, де закінчується, а точніше – не закінчується «Дубровський».

Таємниця незакінченого роману Пушкіна залишилася назавжди. Відомий пушкінський план його закінчення – це лише скупий нарис можливого фіналу. Однак контекст біографії та творчості Пушкіна надає нам можливість реконструювати аргументи російського опонента Жорж Санд – аргументи як суб'єктивного, так і об'єктивного плану.

Порівняння «Дубровського» з іншими творами Пушкіна («Заметіль» та остання частина «Євгенія Онегіна») ясно вказує на авторські наміри у незакінченому романі. Достоевський (у промові на честь відкриття пам'ятника Пушкіну у Москві) у кількох словах прояснив справу: «Російська жінка – не якась там французька». Зважаючи на популярність Жорж Санд у Росії другої половини ХІХ століття, можна припустити, що Достоевський мав на увазі полеміку Пушкіна з так званого «жіночого питання» саме з автором «Валентини».

Ключові слова: реалізм, романтизм, жорж-сандизм, аксіологічне вивчення літератури, європейські цінності, імагеми та имаготеми.